

В мае 2017 года исполнилось 125 лет со дня рождения Константина Паустовского. Интерес к его личности не угасает и в наши дни. Многим хотелось бы больше узнать о любимом писателе.

В 1958 году Александр Твардовский, будучи главным редактором журнала «Новый мир», отказался публиковать повесть Паустовского «Время больших ожиданий». Обосновывая свой отказ, Твардовский написал Константину Георгиевичу письмо, в котором обвинил писателя в «безответственном», «эгоистическом существовании», в «обывательской гордыне»...

«Вы стремитесь литературно закрепить столь бедную биографию, биографию, на которой нет отпечатка большого времени, больших народных судеб, словом, всего того, что имеет непреходящую ценность», – так писал известный поэт большому писателю.

Твардовский не подозревал, насколько эти обвинения в «бедной биографии» далеки от истины. Подлинная биография Паустовского отражена в его дневниках и письмах и дополняет всё, что он сказал о себе в своих книгах.

Почитателям его творчества интересно будет познакомиться с публикацией «Я хочу создать себя». В ней открываются малоизвестные страницы жизни писателя в самом начале его творческого пути.

Все дневники, письма, а также ранний рассказ Паустовского «Somnium terrae», которые цитируются в этой публикации, хранятся в фондах Московского литературного музея-центра К.Г. Паустовского. Музей ведёт большую работу по изучению этих ценных документов. Благодаря этому, читатели уже имели возможность ознакомиться с некоторыми документами личного архива писателя на страницах журнала «Мир Паустовского».

Автор и редакция благодарят директора музея Анжелику Игоревну Дормидонтову и работников музея за поддержку и сотрудничество.

«Я ХОЧУ СОЗДАТЬ СЕБЯ»

Константин Паустовский занимает особое место в моей жизни. Любовь к его творчеству привела меня в Московский литературный музей-центр К.Г. Паустовского.

Работая там, я несколько лет занималась личным и семейным архивом писателя, поступившим в музей после смерти его старшего сына Вадима Паустовского. Основу архива составляют дневники, неопубликованные рукописи, письма и другие документы первой половины XX века.

До сего времени меня не оставляет мысль о том, что главное слово о писателе ещё не сказано, несмотря на многочисленные рецензии, исследования, воспоминания. Досадно, что нередко приводятся вымышленные факты жизни писателя, звучат поверхностные оценки его наследия...

Московский литературный музей-центр
К.Г. Паустовского

Книга К. Паустовского
«Время больших ожиданий»
с комментариями сына Вадима

Часто – разумеется, не всегда – о творчестве Константина Георгиевича говорят лишь с точки зрения литературоведения. Размышляя о дневниках и письмах писателя, я вижу, что его личность – намного интереснее, масштабнее, чем впечатление о нём, полученное из книг и его собственных – я бы сказала, довольно скупых – опубликованных автобиографических сведений.

Мечтаю о книге, которая непременно должна быть написана о Константине Паустовском. Дополнив всё прежде сказанное о нём содержанием архивных документов, не исследованных ранее, можно представить законченный, цельный образ писателя. Фигура Паустовского – человека, творца, гражданина – заслуживает самого пристального внимания, осмысления всего, что помогло ему «создать себя».

Его реальная жизнь, уверена, могла бы послужить примером многим молодым людям, ищущим свой путь в творчестве.

Я коснусь лишь нескольких моментов биографии К. Паустовского, которые, несомненно, повлияли на его мировоззрение и нашли своё отражение в ранних дневниках и письмах. Большая подборка писем была опубликована в 9-м томе собрания сочинений (М., Художественная литература, 1986 г.) Что касается дневников – полностью они не публиковались (исключая дневник 1920 г., Одесса), хотя некоторые отрывки в разные годы появлялись в печати.

Я выбрала фрагменты, помогающие понять внутренний мир молодого Паустовского, в то время ещё только начинавшего свой путь в большую литературу.

Сохранился черновик раннего неопубликованного рассказа Паустовского «Somnium terrae». Вот несколько отрывков этой рукописи:

«Фантасмагория души убаюкивает как индийское у́дгаи и все становится для меня дымом, иллюзией, паром, даже моя собственная жизнь. Мысль заменяет опий. Она может опьянить вполне бодрствующего и сделать прозрачными горы и все, что существует.

...Я сидел за книгами. Альвину мягко ходил по комнате, останавливаясь у окна. Он был поэт, слишком любивший поэзию, чтобы писать стихи. Его долго мучило безсилие слов – он часто говорил со мною об этом, но потом как-то сразу успокоился, затих и к словам, обыкновенным человеческим словам стал относиться холодно и равнодушно.

...Альвину проводил все дни в светлой созерцательности или глухой, тяжелой тоске. Настроения его были изменчивы и странны.

...Альвину говорит о морских тавернах... Там крепкий ром, загорелые матросы и одна старая разстроенная скрипка. Она не поет, она «предсмертно» хрипит. Играет на ней старый цыган с красными опухшими глазами... Там желтые фонари над входом и пьяный говор, ... табачный дым, дикие, причудливые песни на странно-звучащих, незнакомых языках.

В этом дыму, в опьянении рома, в причудливых звуках – я вижу те странные виденья, которые для меня давно уже стали второй реальностью.

Мне снятся тысячи судов... паруса в каких-то неведомых гаванях... старинные кварталы... лица девушек бледные от истомы... Тогда я поэт, создавший образы потрясающей красоты, я человек, в глазах которого отразилась великая тоска и те виденья, которые навели ему тонкие вина всех стран.

...И потому мои достижения моей тоски – все это нездешнее, все это та пропасть, которая лежит между ими и мною... Я блуждаю среди людей, как среди чужих. Иногда мне досадно, больно, но чаще всего мне смешно, мне как-то неприятно весело...»

Сразу вспоминаются юношеские стихи Паустовского, рассыпанные в них «печальные грёзы», «усталость скитаний», «гибельные желанья», «отравный хмель», «блеск опалов»... Сам писатель вспоминал позднее: «в то время я не думал о смысле сказанного. Меня привлекало само звучание слов».

Какой путь прошёл Константин Георгиевич от пристрастия к туманным, экзотическим образам к вершинам своего творчества, к той простоте и правде, о которой он говорил в «Золотой розе»? Что волновало его, о чём он мечтал, к чему стремился? Какие лишения и испытания пришлось преодолеть? Были ли на его жизненном и творческом пути верные друзья и соратники? Что помогло ему найти своё место в литературе? (Я не касаюсь его литературных пристрастий и влияния

чьего-либо творчества, об этом достаточно сказано самим писателем.)

Вряд ли можно найти ответы на все эти вопросы, читая «Повесть о жизни». Причина понятна – в книге, несмотря на её автобиографичность, есть известная доля вымысла. О многом автор вынужден был умалчивать, о чём-то не говорил сознательно, что-то было изъято цензурой.

Но сохранились ранние дневники писателя, его письма.

В дневнике 1915 г. есть запись:

«...Снова город захлестнул меня звонкой сутолокой, тоской одиночества холодного, не пропитанного творческими порывами, мещанской скучной жизни липкой и ненужной, глупою и вместе с тем недостойным страданием. Я бродяга. С ужасом думаю о конце бродячей жизни. О каменной клетке, куда придется возвращаться. Москва и 35 верст в округности, но, Бог мой, разве достаточно человеку с его жаждой обозреть всю красоту земли жалких 35-и верст».

И ниже:

«...Я создаю, я хочу создать себя для великих, умных, красивых дней. Я хочу быть иной чем все, вернее, я знаю, что я иной».

Осознание своего отличия от окружающих родилось давно. Вспомним «Повесть о жизни»:

«...С детских лет одна страсть завладела мной – любовь к природе. Временами она приобретала такую остроту, что пугала моих близких. Когда я возвращался осенью в гимназию из Брянских лесов или из Крыма, у меня начиналась жестокая тоска по прожитому лету. Я худел на глазах и не спал по ночам. Я скрывал это свое состояние от окружающих. Уже давно я убедился, что, кроме недоумения, оно ничего не вызывает. Это было как раз то «несерьёзное», что, по мнению моих близких, коренилось во мне и мешало мне жить».

Как я мог объяснить им, что в этом моем ощущении природы было нечто большее, чем удивление перед её совершенством, что это было не бесцельное любование, а сознание среды, без которой человеку нельзя работать в полную меру сил. Люди обычно уходят в природу, как в отдых. Я же думал, что жизнь в природе должна быть постоянным состоянием человека».

Очевидно, Константин остро ощущал свою отчуждённость в семье. Родные не понимали его увлечения философией и литературой. Старший брат Борис, считавший, что «литература существует для развлечения людей», говорил:

«Надо пробивать себе дорогу в жизни. Ты фантазёр... Развлекать людей – это не дело».

...Начало первой империалистической войны. В сентябре 1914 г. студент Московского университета Константин Паустовский уходит добровольцем на фронт. Сначала – брат милосердия на тыловом санитарном поезде № 65, затем на военно-санитарном полевом поезде № 225, позже (до февраля 1916 г.) – санитарно-полевые отряды при штабе Западного фронта. О его военных буднях –

ниже. Вначале – две цитаты из дневников, его размышления о себе, о своём месте в жизни:

1915 г.

«...Много слов. Есть у меня в душе какой-то холод, какой-то тонкий, чистый лед, сквозь который так ярко горят весенние закаты, так все нежно, ярко, смело, так тепло. В жизни я создан для начал – для всего недоговоренного, незаконченного, эскизного, затушеванного».

1916 г. Москва

«...Товарные конторы. Дикая, монгольская, бесстыжая Россия. Ненависть к ней. Позор. Вонючие извозчики, ... дрянные, озверелые бабы. ... Трамвай – люди хуже скотов».

Куда мы идем? Я ненужен со своими грезами, порывами и утонченностью. Меня сотрут, отшвырнут, сопя, со злостью. Нужно уметь ловко вцепиться в горло другому».

Поражает, как этот молодой человек (в начале войны ему нет и 23 лет), с его «грёзами, порывами и утончённостью» проявляет себя в тяжелейшей обстановке, ежедневно и ежечасно рядом с тяжелоранеными, страдающими людьми, часто на передовой, под обстрелами, в кровавом военном кошмаре.

Следующие два отрывка из дневников читать тяжело. Приведу их почти полностью:

1915 г., 18 апреля. Военно-санитарный полевой поезд № 225:

«...Утром разбудили крики – аэроплан... Шел низко, на поезде... тревога... ружейные выстрелы. Глухие взрывы бомбы...»

Узнали, что бомба взорвалась в руках какого-то мальчишки. Ранила. Захватили перевязочный матерьял, пошли. В халупе – весь пол в лужах крови, кровати, столы в крови. Был уже врач и две сестры польского отряда. На полу. Девушка-гимназистка 16 лет – глубокие рваные раны – на животе, ногах – открытый перелом ноги. Торчат кости. Славная, красивая. Просила пить. Перевязали ногу с Лидой. Прикрыли раны стерильными салфетками. Впрыскивали кофеин. Густой, терпкий запах крови. Руки в крови, до локтей».

Мальчик. Лежал на постели. Весь истек кровью. Срезал сапоги с Романиным. Мокрые от крови штаны намочили, нельзя было взять ножницами... Страшные раны. Текла каша из костей. Обе ноги перебиты. Белый, холодный, смертельные раны. Перевязали. Вскоре умер. Тихо и быстро. Все просил пить».

Когда я вышел из халупы мыть руки, они все были в кровавой корке. Кровь расплзлась по брускам широкими пятнами, стало страшно. Закружилась голова. Несколько спустился я чувствовал, что еще немного и я сойду с ума и закричу дико и страшно... Напряжением воли заставил себя идти, не упасть...»

Третий – студент. Подали грузовой военный автомобиль – переносили на тюфяке. За-

шли в другую халупу. Я с Фирсовым, вынесли на руках девушку, раненую в ногу. Нежно, ласково. Я сидел рядом с шофером, нога на плече. Ехали медленно, осторожно...

В перевязочной. Лихорадочные приготовления. Принесли студента. Кофеин, агония. Тихо, быстро умер – все повторял «я не выдержу, это конец, я не выдержу». Тишина. Бледные. Славное, удивительно красивое лицо. Закрыли, унесли».

Конец 1915 г. Летучий полевой отряд при штабе Западного фронта:

«...На черную оспу с Маргулисом в д. Амлинцы. Глухая деревня. Овраг. Нетопленая изба – школа. Угрюмо и тихо. С десятским по избам. Гниют заживо. Боль. Гной. Умирал мальчик – впрыскивали камфару. Девушка с белым, измученным телом. Сумасшедшая мать. Жарила мясо, а на постели лежали два трупа – мальчика и взрослой дочери. Руки в оспенном гное. Нет боязни. Маргулис к больным не подходит – стоит у порога. Впервые я делаю впрыскивание. Немного жутко».

Из писем Екатерине Загорской:
Июль 1915 г.

«Пишу в местечке Л. около Бреста. Здесь питательный пункт для беженцев, которым я заведу. ...Беженцев тысячи. Сегодня у нас не хватало хлеба, хотя было около 200 пудов. Много стариков, детей, больных, многие не ели по 5–6 дней – все плачут и не знают что делать».

29 августа 1915 г.

«Наш точный адрес – Действующая Армия, штаб 4-й Армии, Врачебно-питательный пункт № 4 ВСГ.

...Здесь скверно, противно, здесь, наконец, опасно. ...Чтобы выдержать здесь, нужно отупить, закрыть глаза, перестать видеть, чувствовать... Чуткий человек легко сойдет с ума».

11 ноября 1915 г.

«...Здесь люди показывают свое настоящее лицо – и мне так гадко на душе, так физически противно их общество, что удерживает меня лишь одно – мысль, что надо все пройти, все выдержать для того, чтобы создать себя».

1 декабря 1915 г.

«...Я часто в разъездах. Мне надо объехать весь район около Замирья, на протяжении 30-и верст. Я уже нашел около 4 тысяч беженцев. Их кормят у меня на пункте.

Здесь голод, живут по землянкам, начался сильный сыпной тиф. Дети мрут, как мухи. Ночую я часто по деревням, по избам, где даже писать не на чем».

Из письма Сергею Высочанскому:
Ноябрь-декабрь 1915 г.

«...Война – это голод, когда по два-три дня люди грызут сухие хлебные корки, это – бесконечные утомительные переходы по непролаз-

ной грязи, под дождем, которые всегда происходят ночью, все колодцы, деревни, избы заражены. Везде холера, сыпной тиф, дизентерия, черная оспа. Все озлоблены.

...Война – это десятки тысяч беженцев, умирающих от голода и холеры... Все дороги как кладбища.

...Вся грубость, злоба, безобразие войны слишком быстро заражает... человек тупеет и по своим склонностям и поступкам больше становится похож на зверя... Человеческая жизнь, личность, то, что мы привыкли так глубоко ценить... – на войне теряет свою цену.

...Геройски умереть легко, но жить героем трудно. И гораздо лучше для тебя не гнаться за детской, мальчишеской славой, а сохранить себя, работать над собой, чтобы быть достойным того времени, которое наступит после этой чудовищной войны, которое потребует от каждого из нас много сил, знаний, смелости и, если хочешь, истинного героизма».

* * *

Здесь, на фронте, в начале 1915 года состоялось знакомство Константина Паустовского с Екатериной Загорской, сестрой милосердия.

Их встреча в разгар тяжелой войны сыграла решающую роль в судьбе обоих. Екатерина стала участницей всех событий и испытаний, выпавших на долю Паустовского. Константин же нашёл в ней опору, так необходимую каждому талантливому художнику.

К сожалению, её имя до сих пор упоминается редко и вскользь, хотя её жизненный подвиг достоин восхищения и глубочайшего уважения. Об этом свидетельствует содержание дневников и семейной переписки.

Именно поддержка Екатерины Степановны во многом помогла Паустовскому найти свой путь в литературе. Благодаря ей, родившейся на Рязанской земле, он открыл для себя и воспел свою «вторую родину» – Мещору.

Екатерина Загорская в полной мере оценила талант своего избранника и сознательно поставила перед собой задачу – помочь творческому становлению Константина Паустовского.

Вот строки из её дневника 1915 г.:

«...Я верю в талант К. больше, чем в свой. К. – художник действительный, я – только артист.[ическая] натура. У него – врожденное, у меня – внушенное и желаемое. Я работаю над собой, я достигаю чего хочу, К. – «претворяет себя», создает себя, втискивает в чуждые формы – «надо все пройти, все видеть для того, чтобы создать себя»...

...И более чем когда либо хочется дать размах творческим силам К.

...(нужно) все отдать для выявления творческой мощи К. Освободить в нем человека-творца, дать смелость создать и сказать «свое». Он – настоящий художник с огромным чувством красоты и жадной творчеством. ... Ему мои возможности, муки, стремления, моя дальнейшая жизнь».

Екатерина Степановна посвятила Константи-ну Георгиевичу 20 лет жизни – столько длился их брак. Наделённая тонким художественным и ли-тературным вкусом, даром слова, талантом ху-дожника, она сознательно подавила свои творче-ские стремления, стала для мужа – как сама писала в одном из писем – «женой, матерью, другом, си-делкой, прачкой, кухаркой» (добавлю от себя – се-кретарём, редактором...).

Екатерина Загорская ограждала мужа от всех житейских забот, давая ему возможность «созда-вать себя» как писателя, совершенствовать свой неповторимый стиль, свой язык. Ей первой Па-устовский доверял читать все свои рукописи, прислушивался к её советам. Это был духовный и творческий союз.

Сохранилось не подлежащее сомнению свиде-тельство самого писателя:

(из письма к сестре Галине, 1932 г.)

«...Катя – это человек, который отдал мне всю свою жизнь, весь свой мозг, всю привязан-ность. Ей я обязан тем, что вышел на широ-кую дорогу».

С самого начала знакомства Екатерина Загор-ская стремилась внушить Паустовскому уверен-ность в себе, которой поначалу ему так не хватало. Константин мог откровенно делиться с ней свои-ми мыслями, планами, сомнениями, зная, что всег-да найдёт понимание и поддержку.

Ранние письма Константина Паустовского к Екатерине Загорской, необыкновенно поэтич-ные, отражают напряжённую внутреннюю работу:

К. Паустовский – Е. Загорской

16 ноября 1915 г. Горно-Городца

«Я создаю себя. Неудержимый творческий порыв к высшему утончению, одухотворен-ности, порыв увидеть свою душу изменчивой и прекрасной, тот порыв, который ты разбу-дила во мне – он так силен, что порою мучит меня. И медленно, тихо загорается во мне, рождается та воля к жизни, которую я, может быть, на время потерял и думал, что ее у меня нет...»

...Должна быть гармония между душой че-ловека и душой всего мира, ведь душа челове-ка – высший утонченный элемент мировой души, заключающая в себя, как капля фонта-на – всю сущность воды, весь мир красоты и света.

И мне, девочка, мне, брошенному в чуждый мир, в круговорот ошибок и печали, среди хо-лода и слепой скуки, среди жгучей тоски по не-бывалому и прекрасному, мне с замкнутой, непонятной мне самому душой – хочется при-нять мир, мне многое еще нужно творчества над собой, чтобы подняться до ослепитель-ных граней твоей жизни».

К. Паустовский – Е. Загорской

Февраль 1916 г.

«...Я не приспособлен к жизни, я ненавижу деловых людей... Я вряд ли чтонибудь соз-дам... Я буду вечно беден и через несколько лет меня будут считать сумасшедшим...»

...Таким, как я, – так говорила изред-ка мама, – еще не созданы условия для жиз-ни, а сами они не в силах их создать. Слишком мало у них жесткости и черствости. Такие как я много ли, мало ли их – я не знаю – считают-ся ненужными, обреченными людьми. Возмо-жно, что это правда. Они должны быть оттор-гнуты, нельзя с ними связывать жизнь других, нельзя их любить...»

К. Паустовский – Е. Загорской

5 марта 1916 г.

«...Конечно, я не прав, родная моя, когда го-ворю о непригодности, о том, что я ни-чего не создам, что я ненужный человек. При-способится к тем уродливым формам жизни, что созданы людьми – ведь это бессилье, про-страция души, это конечный позор.

...жизнь пугает меня, иногда она слишком неожиданно швыряет меня куда-нибудь, за-ставляет меня физически и духовно стра-дать... но я так невыразимо благодарен Богу за то, что ты любишь меня. Ты не понимаешь и никогда не поймёшь, что значит быть лю-бимым тобой, хрупкой, радостной, солнечной девушкой, моей юной невестой, – у тебя ведь душа вся светится красотой».

* * *

К концу войны Паустовский – уже не тот роман-тический юноша, который совсем недавно, сочиняя стихи, не задумывался об их содержании, насла-ждаясь самим звучанием слов.

Теперь он сосредоточен не только на поисках собственного пути. Он даёт всему происходяще-му вокруг трезвые оценки, к осознанию которых многие его современники придут лишь спустя де-сятилетия.

Отношение Паустовского – совсем ещё мо-лодого человека – к Октябрьскому перевороту созрело уже в самом начале событий. Нам, се-годняшним, понятно, почему эта беспощадная оценка не могла появиться на страницах его книг. Но она сохранилась в дневниках 1917–1918 гг.:

1917 г., Москва

«...Революция смешно и тупо стала гигант-ским, необычайно быстрым, цветущим разви-тием русской дичи и невежества. Карамазовы. Многие из партийных людей словно родились из банной мокроты.

...На улицах – летучие митинги. Здесь – на словах уже начали продавать Россию, Роди-ну, все родное, милое с детства».

1918 г., Москва

«В Ц.И.К.е. Типы: Мартов, Дан, Суханов, Свердлов... Крыленко, левые эсеры. Грозовые речи. Здесь – ясна вся низость и жажда власти».

Страшные подробности террора большеви-ков, свидетелями которого стали супруги Паустов-ские, – в Одесском дневнике 1920 года. О суще-ствовании этого дневника стало известно не так давно.

«Такого глухого, чугунного времени еще не знала Россия. Словно земля почернела от корки запекшейся крови. Ухмыляющийся зев великого хама...

...Каждый день учеты, регистрации, допросы, реорганизации, сокращения штатов, слияния, аресты, боевые приказы, картавые мальчишки с револьверами на заду, дурацкая суета и отупелое ничегонеделанье – так живут советские учреждения. Крепостные. Хуже крепостных – «сволочь», скоты, которых дерут плетью ежечасно...

...Я совершенно не создан для службы, для канцелярщины, для сиденья за столом. Я болен. Тоска стала непрерывной, замкнутым в себе кругом (я не могу теперь, не сдерживая слез, слышать плач детей), она наполнила все мои дни до краев и я не знаю ни сил ни возможности разорвать ее, засмеяться, почувствовать, что ведь я еще молод, что мне всего только 28 лет, что я хотел жить иначе.

Книги лежат начатые, но писать дальше не могу. Отморожены, должно быть, мозги и отморожены руки. Пальцы опухли, в язвах, и умыванье вызывает слезы.

Мы дожили до самого страшного времени, когда правы все идиоты.

...На угрозу «поставить к стенке» он ответил: «Я 24 часа в сутки стою у стенки, – стою у стенки за фунтом хлеба, у стенки за советским пойлом, у стенки за восьмушкой сахара и за поленом. Стою у стенки голодной смерти, и если вы поставите меня к последней стенке – я буду только благодарен».

«Расстрел», «размен», «ставка Духонина» совершается над каждым из нас 24 часа в сутки, непрерывно. А смерть – это только «последняя» стенка, цементная стена гаража и грохот автомобильного мотора (их заводят, чтобы не было слышно выстрелов), после которого останутся только клочья вспаленных мозгов и лужица крови. Товарищи-операторы (раньше – «палачи») разденут труп и родные увидят на улице, на одном из них, знакомые вещи и только по этому узнают о смерти близкого...

...Когда кончилась гражданская война и началось «мирное строительство» – все сразу увидели, что «король голый» и вся сила его – только в войне, в разрушительной энергии злости, в ужасе, в махновцах, одетых в колпаки из старых красных и зеленых портьер. Чтобы создавать – нужна свободная душа и детские пальцы, а не прокисший ум, изъеденный, как молью, партийной программой и трехлетним озлоблением. Они – испепеленные, но не огнем, а тлением, распадом, неудачливостью. Вся страна превращена в аракчеевские поселения.

Началась новая эпоха – прикармливание интеллигенции, профессоров, художников, литераторов. На горьком хлебе, напитанном кровью, должно быть, они создадут какой-то нудный лепет – «великое искусство пролетариата, классовой ненависти». Должны создать. Положение к тому обязывает. Чека им крикнуло «пиль», и они покорно пошли, поджав облезлый от голода хвост. Голгофа. Предсмертная пена на губах такого тонкого, сверкавшего, заворожившего все души, искусства. Кто из них потом повесится как Иуда на высохшей осине? Кто однажды продал душу? Господи, да минет меня чаша сия.

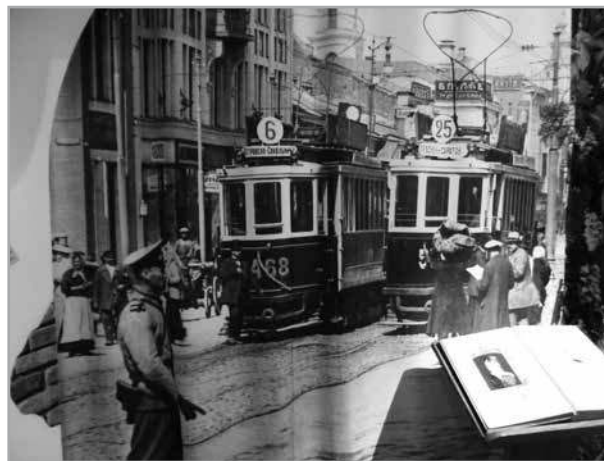
...На днях был странный сон. Снова я в старом помещицьем доме с низкими потолками, теплом и уютom. Из светлых сеней, где стояли еще с зимы в зеленых кадках рододендроны и пальмы, я вышел на крыльцо. Был март. Вокруг дома стоял сосновый лес, снег лежал весь в синих лужах. Чудесный, талый воздух. Около крыльца пилили сосну и ее смолистый запах, свежа, теплые предвечерние отсветы в окнах дома – все это было до того родное, русское, далекое от «интернационала», что я заплакал во сне от детской, беспомощной тоски. Промкнулся в слезах».

Такой Паустовский и сейчас для многих остаётся неизвестным.

* * *

В начале 1923 г., после скитаний по югу, Константин и Екатерина возвращаются в Москву. До начала 1930-х годов – Паустовский работает в РОСТА, его статьи и очерки публикуются в московских журналах и газетах.

К середине 1920-х гг. уже вышли из печати первые рассказы Паустовского, его имя звучит в московских литературных кругах. Слышны отзывы о его «поразительном, красочном стиле», «богатстве образов», о том, что его «манера письма... как и содержание написанных вещей – совершенно исключительны в русской литературе».

Фрагмент экспозиции Московского музея К.Г. Паустовского – «Москва, нач. XX в.»

Из письма Е. Паустовской. 30 августа 1926 г.:

«Я рад тому, что в литературу я вошел не с заднего хода, без рекомендательных писем, друзей и подготовки, вошел как человек совершенно неизвестный».

Однако творческие устремления Паустовского находятся в мучительном разладе с окружающей тяжёлой действительностью.

Из письма Е. Паустовской. 9 июня 1926 г.:

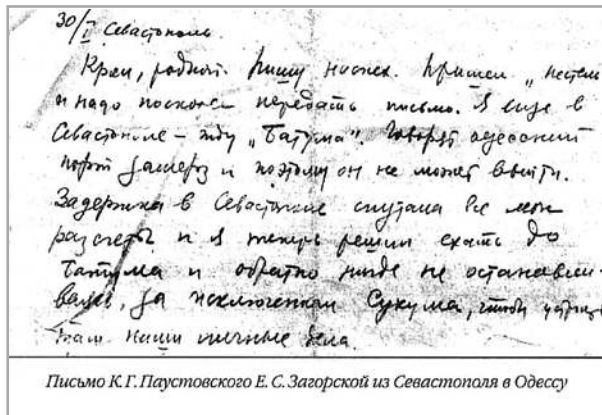
«...Ты знаешь, 7-го на рассвете на Тверском бульваре застрелился Соболев. Третьего дня его хоронили. Он оставил письмо, в котором пишет, что настоящая литература сейчас не нужна, ее не печатают, лгать же и подхалимничать он не хочет, голодать тоже не хочет. Смерть его взволновала всю Москву (литературную). В общем, тяжело».

Дневник. 3 апреля 1927 г.

«...В Москву приезжает множество невежественных и бездарных паренчиков из провинции «за славой». Все они – пролетарские поэты. Они пьянствуют, неумело и грубо богемствуют... не дают жить своими приставаньями настоящим поэтам. Телеграфисты Ять, провинциальные сердцееды, лохматые матерщинники. Живут они на чужой шее, стреляют полтинники. Втираются. Скоро будет стыдно считаться поэтом или писателем. Вина издательств, журналов, комсомола – так выдвигается пролетарская писательская молодежь».

На лыжной прогулке с сотрудниками РОСТА. Константин Паустовский – сидит крайний справа, Екатерина Загорская – стоит крайняя слева

Письмо К. Г. Паустовского Е. С. Загорской из Севастополя в Одессу

22 апреля 1927 г.

«...Из жизни РОСТА можно написать страшный рассказ, от которого похолодеет сердце. Он будет вызывать омерзенье, тошноту. Под внешностью культурных и хороших людей – бездна грязи, ...лицемерие, хамство, интриги, спесь и чванство захватчиков, измывательство и потрясающая глупость, возведенная в идеал, в систему. Трясина».

28 октября 1928 г.

«...Меня раздирают на части десятки людей во мне самом. Я думаю о жизни, которой не может быть, – наивной, прекрасной до глупости, – за это меня презирают, в лучшем случае снисходят, как к безвредному чудаку. Много говорят о том, что я пишу, сердятся, недоумевают. В чужом молчании я чувствую прекрасно мысль о том, что я «слабенький писатель», но никто, никто не видит или не хотят видеть, сколько тоски, отчаянья, крови и заплеванных надежд во всей это глупой фантастике. Я всегда думал, что книга должна быть как человек – и прекрасна, и отвратительна, и умна и временами нелепа, и искренна и фальшива – ведь это же человеческий документ!

...Очень больно примириться вот сейчас, когда ушло 2/3 жизни, с мыслью, что я обманывал себя, что писательство мое – чушь, и мне совсем уже нечего делать в жизни. Нет ни минут, когда я не ощущал бы это чувство катастрофы, о котором я даже не могу рассказать. Слёзы. Слабость».

Часто повторяется запись: **«Бродил по Москве. Безденежье. Тоска».**

Но в то же время – «заповеди для себя»:

«...Надо бороться со способностью ко всему привыкать, не опускаться, точить мозг ежедневно, ежечасно.

...гимнастика. Спорт, массаж. Курить мало.

Морально – правдивость. Следить за собой. Стараться всё понять. Пройти через жизнь заметно».

«...Работать над любимым делом.

Не увлекаться модными вещами в литературе и искусстве».

Широкая известность пришла к Паустовскому в начале 1930-х гг., с выходом в свет книги «Кара-Бугаз». Интересны подробности того, что предшествовало созданию книги. Вадим Константинович Паустовский вспоминал о спорах между родителями, когда Екатерина Степановна убеждала Константина Георгиевича:

«Надо написать «советскую» вещь. Потом опять пиши что хочешь. Но и по таланту и по труду нужно завоевать имя. Сейчас можно только так, чтобы написать о пятилетке, временно оставив «свою» тему. Не нужно слишком поступаться (наступать на горло собственной песне, так сказать). Пусть это будет вещь о социальном строительстве, но написанная «с душой», с твоею романтикой и без излишней сентиментальности. Но это надо сделать...»

«И действительно, именно «Кара-Бугаз» вывел отца на первый план».

Паустовского наконец покидает чувство безысходности. Очень интересно в этом отношении письмо Екатерине Паустовской:

28 ноября 1931 г. Березники

«...Как писатель я рос очень медленно и только теперь, сбросив с себя шелуху всяческих РОСТ и галиматши, я чувствую как я созрел.

Перелом дался мне нелегко... новое пугало меня, давило, и я не знал никаких путей, чтобы вложить в него весь тот блеск, который я чувствую и знаю в себе. Мне казалось, что как писатель современности, как писатель новых поколений – я ничто, я кончен, мой удел – более или менее удачное эпигонство.

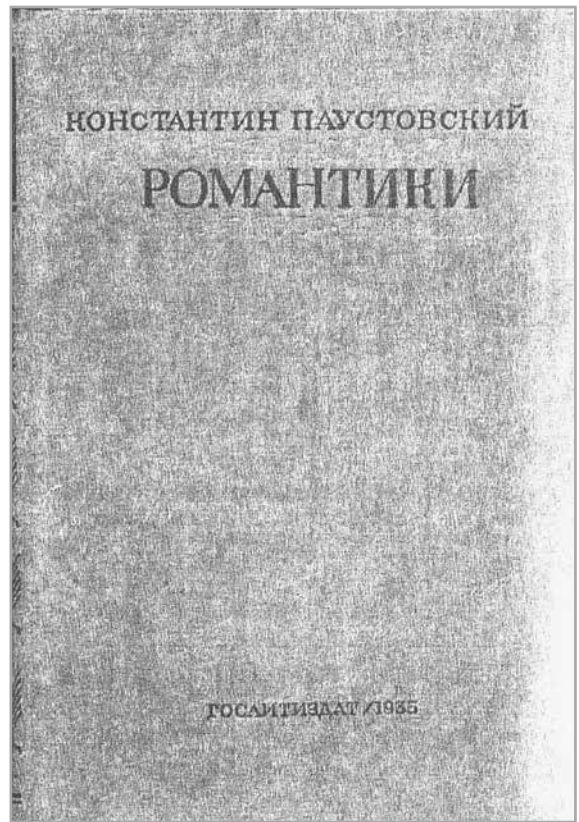
...В прошлом было много страданий, в прошлом я был недостаточно умен (не в смысле обыкновенной глупости), – я неумно подходил к жизни, неумно ее брал, неумно на нее реагировал – отсюда и неудачи, и неверие в себя и чувство своей «случайности» в этой жизни. Я брал неглубоко, стремясь заменить отчетливую мысль блеском, и не умел придать этой мысли тот блеск, которого она заслуживает... Превосходство моего стиля – и только стиля – не давало мне полной уверенности в своих силах.

В этом и был разрыв между творчеством жизни и творчеством художественным, и это портило и мою жизнь и моё творчество. Теперь пришло время говорить «во весь голос».

Только теперь, заявив о себе «во весь голос», Паустовский мог вернуться к «своей» теме и закончить работу над своим первым романом – «Романтики». Замысел книги возник давно. Первоначальное её название – «Мёртвая зыбь» – часто упоминается ещё в дневнике 1915 года. Паустовский писал её начиная с 1916 г. и в основном завершил работу к середине 1920-х гг.

Из воспоминаний Вадима Константиновича Паустовского:

«Последним «творческим» контактом моих родителей была подготовка к изданию «Романти-

Первое издание книги «Романтики». 1935 г.

ков». Эта вещь всегда была дорога отцу, но благоприятная обстановка для выхода её в свет сложилась лишь после успеха «Кара-Бугаза» и «Колхиды». В 1935 году намечалось выпустить книгу его рассказов, куда по договору удалось включить и «Романтики». Но вещь была огромной, и он боялся сам браться за её сокращение. Рукопись требовалось срочно сдавать. Отец доверил сокращение «Романтиков» маме и не ошибся. Она действительно проявила свой такт и вкус и вещь получилась компактной и цельной».

Из письма К. Паустовского Е. Паустовской: 2 июня (1935 г.?), Петрозаводск

«...Как дела со сборником? В него надо включить «Судьбу Шарля Лонсевилья» (по последнему изданию Детгиза, в красном шкафу, внизу), «Морскую прививку» (но не в сокращенном виде, как в «30 днях») и, пожалуй, опять мелкие очерки («Море в цвету» и т.д.) и «Зону голубого озня». Но, в общем, я целиком полагаюсь на тебя. ...Названия сборнику можешь не давать, а попросту озаглавить «Рассказы».

Хатидже – так Паустовский называл Екатерину Степановну в жизни. Это имя очень нравилось ему, так он назвал и героиню «Романтиков», прообразом которой послужила Загорская. Главный герой романа, Максимов, во многом отражает суть самого автора.

Лето 1935 г. Екатерина Степановна посвятила составлению сборника. Подробности этой работы – в её дневниках и письмах.

Е. С. Паустовская. Дневник

1935 г., июнь-июль

«Начинаю работать над Романтиками. Прежний текст... лучше чем позднейшие переделки.

...Работа над Романтиками. С утра до вечера диктую, вечером перестраиваю. Самая человечная и биографичная из вещей К. Много искренности, но всех героев, по мнению Анны Ильин., следует высечь за бесконечные глупости: ничего не делают, особенно Наташа – выдрать, с жиру беситесь. Максимов (Кот) замечательный, но за него страшно.

...Его строки о том, что художественное произведение, – если это подлинное произведение искусства, произведение как бы вылитое из одного куска, раз возникнув, не может дodelываться и передelываться много лет спустя, как бы ни изменилось потом мировоззрение автора, – мне дали большую уверенность при монтаже «Романтиков».

...До 20-го числа отчаянная работа над «Романтиками» – перестроила всю 2-ю часть. Сцены с Наташей взяла из прежних черновики: знакомство с ней в кабинете Семенова много лучше, чем в Абрамцево – здесь надуманно и глупо. Оставила «на воде» и «река Серебрянка» в нов. варианте «обручение», а приезд Наташи, ряд глав в Крыму восстановила в первой редакции: по моему так получается монолитнее, глубже и органичнее. Вставки, мосты, переделки последней (фразы?) Хатидже – лучше по содержанию, но формы не найдено.

В целом довольна – пугает 2-я линия – «неустремленность» и фатализм автора (будь что будет), идеалистическое и мист.(ическое) толков.(ание) снов и встреч, тоска, пустота военных будней – за это будут много ругать. Надо убедить Кота выправить линию предисловия или ввести новую главу. Лучше предисловие.

...Трусов говорит, что ему не приходилось редактировать столь волнующей вещи».

Е. С. Паустовская – К. Г. Паустовскому

1935 г., 22 июля

«Всё это время я работала над «Романтиками», перекомпоновывала несколько раз, по многу перечитывала первые редакции и неудачные, не нравившиеся тебе главы последней редакции. Заменяла первыми. Глава в Абрамцево, знакомство с Наташей звучали фальшиво, знакомство с ней в кабинете Семенова, когда Максимов рассказывал о степных городах, изумление Наташи, замечание Роговина – у меня на море морская болезнь, а у него – черт знает что: и фрегаты, и жемчуга, и летучий голландец; приход Нины и поездка в театр с ней на извозчиках – хорошая концовка к главе «Вот она, Москва». Я так и закончила эту главу твоей фразой: «С этого вечера я полюбил Москву».

Главу «На воде» я слезла с «Окраинами» и значительно сократила, вместо Рязани оставила Архангельск и норвежского капитана. В «Рыбачий посёлок» ввела татарскую свадьбу, оставила все рассказы Спиридоны, торг Харито...

Приезд Наташи оставила полностью, но ввела часть главы из Чатырдага под заголовком «Голубиные охотники».

В целом вся вещь получилась монолитная, без скрепов, как Колхида, и очень человечная. Трусов говорит, что ему еще не приходилось редактировать такой интересной по содержанию и форме книги. Дельфины и некот. места из Винклера (о смерти мальчика) он посоветовал выбросить, как фальшивые и немного сентиментальные.

Единственное изменение какое я внесла и о чём уже писала – это предпоследняя фраза Хатидже: у тебя было «...мертвая тоска внезапно сжала ей сердце. ... он умер, умер... подумала она растерянно, заплакала и побежала, спотыкаясь, вдоль полотна». Я сделала так:

«Она вспомнила смерть Винклера, мертвая тоска внезапно сжала ей сердце и вернула силы. «Максимов не умрет..., я не дам ему умереть, он не смеет умирать» – подумала она и повернула к вокзалу».

Редакция мне, конечно, не нравится и я думаю ты ее переделаешь в корректуре, но мысль вообще вернее чем у тебя, п.ч. самая ситуация требует от девушки решения и действия, а не слёз и бегства от самой себя.

Последняя фраза: «Была ночь, ветер хлестал мокрым снегом и городок мигал в собачью тьму старческими слезящимися огнями» звучит еще лучше после (...) первой.

...Сегодня книга пойдет в производство, у меня большое облегчение, как будто бы я сделала большое настоящее дело, я даже похорошела, и мне будет очень горько, если ты окажешься не вполне удовлетворенным. Только не жалуйся за кулисами: все еще можно выправить и изъять обратит в достоинства. Очень желательно к половине августа дать предисловие ко всей книге – Две романтики: от «Белых облаков» до «Доблести».

К. Паустовский – Е. Паустовской

1935 г.

«...Я очень рад, что наконец «Романтики» будут напечатаны, и согласен со всеми исправлениями. Мелочи я исправлю в гранках».

«...Гранки «Романтиков» я прочел и отправил в Москву вместе с предисловием. Больше всего пришлось выправить середину вещи (Москву и Крым). Кажется, будет хорошо».

* * *

Из статьи Игоря Штокмана «Цветение жизни», посвящённой «Романтикам» («Мир Паустовского» № 25, 2007 г.):

«...Это – первый роман Паустовского, самая молодая его вещь, а я, признаться, давно уж и еретически полагаю, что писатель со всем своим «нутром», с тем, что есть в нём главного от Бога и природы, полнее, лучше всего виден именно в ранних и молодых, первых своих произведениях... Строка, абзац ещё дышат вольно, как хотят, и держатся, живут более всего чувством, голосом сердца».

Мне думается, что в этом романе особенно отчётливо и ярко видно **«сердце, переполненное сверх меры ощущением жизни»**. Это определение – из «Повести о жизни», вещи, куда более поздней и, можно сказать, автобиографической, итоговой. Но Паустовский всегда был очень целен, податливо, упрямо верен кодексу, принципам своей творческой веры и в «Повести о жизни», произведении, вовсе не похожем ни внутренним строем, ни духом на «Романтиков», сказал тем не менее именно об этом: о человеческом сердце, о том, что подлинно живое, оно всегда переполнено ощущением, когда счастливым, когда мучительным, земного бытия. Переполнено, но жадно хочется ещё, ещё! Неупиваемая чаша...

«Романтики» таковы и есть; в горячей жадности к жизни его героев – смысл и пафос этого романа. Эта жадность понятна и психологически очень точна: и Алексей, и Сташевский, и Винклер, и сам Максимов, главный герой повествования, внутренне очень близкий Паустовскому, его alter ego, – очень, завидно молоды... Зрение их ещё

беспощадно зорко, само восприятие жизни так остро, и более всего на свете не хотят они жизни-рутины, жизни-сна, мерно и ровно бредущей всё по одному и тому же замкнутому кругу...

...Контрапункт «Романтиков», кредо и стремление его героев – противопоставление обыденного, затёртого и высокого, иного, рождённого молодостью сердца и поэтическим воображением...».

Как верно эта оценка отражает кредо Паустовского, которым тот всегда стремился щедро поделиться с читателем.

Думаю, что именно выходом в свет «Романтиков» завершился тот этап жизни, когда Константин Георгиевич путём сложных раздумий и поисков пришёл к осознанию своего творческого «я».

Впереди ещё много лет плодотворной работы, и на протяжении всего пути Паустовский не изменит своей заповеди: «создать себя» как личность и творца.

Август 2017 г.

